

ПЛАМЯ ПРОТЕСТА

Р. БЕНЬЯШ

Деревянную изгородь совсем закрыли низко нависшие ветви деревьев. За деревьями показалась фигура старика с длинной бородой и тотчас скрылась.

— Вам кого? — спросила высокая женщина.

— Димитриева, Максима Петровича.

— А он очень нужен?

— Очень.

— Знаете, он со вчерашнего дня совсем слал. Мы хотели не говорить, но как можно скрыть от него, ведь все еще видно, читает. Конечно, узнал раньше всех.

— Может можно все-таки его видеть? Диалог прервал сам Максим Петрович. Густые седые брови не скрыли красоты набухших век.

Узнав представителей газеты, он печально сказал.

— Вот вы приехали сюда спрашивать Горького, а сколько раз он сам здесь был. Приедет на мою дачу и валается на диване, слушает, наблюдает за сыном Максимом. Еще шутил по поводу того, что из троих мужчин (он включал сюда и своего сына) зовут Максимами. Алексей Максимович с тех пор, как мы с ним познакомились, все предлагал выстроить себе дачу. Выбрал место на берегу Оки и даже сам начертил план. А потом никак

«Место плохое выбрали. Здесь сплошь бандиты, обязательно ограбят нас». Как только я купил эту дачу, он стал шутя уговаривать меня, что не дождался, мол, друга, уговора не одержал.

Максим Петрович снова не смог скрыть слез, явственно проступавших на старческих безресничных глазах. Постепенно Димитриев вспомнил ряд эпизодов, заставших на всю жизнь в его сердце.

— Чудесный вышел случай, помню. В Народном доме устраивали концерт, конечно, благотворительный. Алексей Максимович читал только что написанный им рассказ о морте. Успех был исключительный, да и читал он, надо сознаться, прекрасно. Я сколько-то актеров потом слушал, никто не читал его вещей так, как он сам. Ну, вот, концерт кончился. В гостинице «Россия» был устроен ужин. Все сидело за длинными столами, уставленными закусками и вином. Вдруг Алексей Максимович подмигнул мне, Скитальцу и еще кому-то из друзей, сейчас уже не вспомню. Мы вышли с ним в сторону, к буфетной стойке. Он разлил водку в три стакана и предложил тост за высланного министром Плеве агронома Ткаченко и за уничтожение всех угнетателей. В это время мы заметили, что на лестнице стоит шпиик и прислушивается к его словам. Сказали об этом Горькому, чтобы он позвонил. А он, к великому нашему ужасу, поворачивается, громко обращается к шпику и говорит: «Если вы слышите, то убирайтесь вон, а если нет, спускайтесь и выпейте с нами тост, который я предлагаю».

конечно, спустился и сам против себя вышел. Хохоту потом было много. Но Горького мы все-таки упрекали в неосторожности. А он хоть бы что, только одно говорил: «Все можно с человеком сделать: запретить ему писать, не печатать его произведения (приблизительно в это время закрыли союз русских писателей), посадить в тюрьму, повесить. Только одного нельзя: заставить человека иначе думать».

И сам Горький всегда думал по своему. Никакие остраски на него не действовали. Очень против Алексея Максимовича был настроен прокурор Утин. Арестовал все-таки Горького. Посадил Алексея Максимовича в одну камеру со Скитальцем в острог (старый, который около теперешнего оперного театра. Стена у них была наружная, на улицу, а у Скитальца голос чудесный. Скиталец сочинил песню о себе и о Горьком и распелся. Да так громко, что толпа народу собралась у острога. Молодежь узнала, где сидит ее уже тогда любимый писатель и почти бунт подняла, едва укротила полиция.

А друзья тем временем не дремали. Я сделал большое увеличение с последней фотографии Горького и мы с призывным письмом послали ее в берлинский народный дом. Не знаю, протесты ли всего мира помогли, или что другое, только скоро нашего Горького выпустили. Пришел домой, сел в передней, похудел так, осунулся и говорит: «Можно сколько угодно зла людям делать. Сначала люди молчат. Как собака у хозяина. Только, если собаку стукнут

и с человеком будет». Эти его слова потом разошлись среди всех литераторов и актеров. Кто-то даже сделал моментальный снимок Горького с оскаленными зубами. Один день этот снимок с соответствующей подписью был выставлен в Москве в магазине Коцака. Но уже к вечеру полиция забрала снимок и подпись и больше их никто не видел.

Удивительный это был человек. Он и в молодости был некрасив. Но один раз увидел его, забыть было невозможно. Он разговаривал немного, зато все у него было устроено так, что он видел и слышал больше других.

Первые годы, когда он основательно нуждался, бывало подвезут ему дрова, уж кажется, хорошо бы, хоть в квартире тепло будет. Так нет. Каждые несколько дней являлись к нему какие-то оборванцы и они их снабжал топливом, а сам систематически без дров сидел. Он все завидовал Короленько, что тот сам себе сапоги шил, а он не умеет. Денег он никогда не жалел, но их просто не хватало. А около него постоянно несколько босняков питалось. Увлекался он тогда ими. Помню, в Петербурге устроили грандиозную выставку фотографии искусства. Я решил послать портрет Горького. Он согласился, но при условии, что он будет переселенец, а по бокам два босняка. Так и пришлось сделать. Портрет получился огромный, интересный. Да и свои люди позаботились о том, чтобы повесить его на самом видном месте. Там на

получил медаль, только потом спохватились и портрет потащили где-то уничтожить.

Как-то Алексей Максимович рассердился на меня. Я был выбран присяжным заседателем. Судили мы одного мелкого жулика и засудили его. Горький возмущился и говорит: «За что осудили, тоже, судьи. Вот вас бы осудить, куда бы вас запихнули!» После того удалось пересмотреть дело и жулика оправдали. Алексей Максимович потом пояснял, что человек может от голоду мелочь украсть, а сытые люди его в тюрьму засадили. И сам же предложил собрать деньги для освобожденного.

Снова снилась борода Максима Петровича. Он долго молчал, часто думая набухшими веками. Потом что-то вспомнил и улыбнулся.

— Ведь чуть не забыл, а какой случай! Алексей Максимович жил летом на Моховых горах, у знакомых. Приехал туда к нему Николай Адамович Фредих. Фредих был неважен и внимательная полиция поспешила посетить жилище Горького. Только уехали незваные гости, как Горький с Фредихом влезли на высокий обрыв, быстро собрали сухое корье и зажгли два костра. С отъезжающих людей ясно видны были гигантские языки пламени и на фоне огня две человеческие фигуры. Кто видел в этот момент Алексея Максимовича, сохранил его таким в памяти навсегда. Это было совершенно неподобающе. Вспомнил.